

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Г.М. МОЛОТОВА, Э.М. МОЛОТОВА*

Древнетюркские памятники в исследованиях С.Г. Кляшторного и их значение для современной науки

Дана характеристика вклада, который внес С.Г. Кляшторный в изучение древнетюркских письменных памятников. Работы этого выдающегося исследователя не утратили своего значения и в настоящее время, став компасом, указывающим направление для многих источниковедов, изучающих историю и культуру древности. Авторы подробно рассмотрели вопросы миропонимания древних тюрков, отраженные в орхоно-енисейских памятниках, «Ырк-битиг», «Кутадгу билиг» и др.

Ключевые слова: эпиграфика, древние тюрки, орхоно-енисейские памятники, С.Г. Кляшторный.

DOI: 10.25882/16md-pp90

Письменные памятники древности, содержащие достаточно обширные сведения по истории и культуре тюрков, исследованы С.Г. Кляшторным на основе полевых материалов. С конца 60-х годов XX столетия ученым проведено множество экспедиций, накоплен большой объем материалов. Он пересмотрел дешифровку некоторых

* Гульбахрем Максимовна МОЛОТОВА — кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН Республики Казахстан (Алматы, Казахстан); gmolotova@mail.ru;

Эльвира Максимовна МОЛОТОВА — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН Республики Казахстан (Алматы, Казахстан); m.elvira_76@mail.ru

фрагментов стел, предложил новые чтения. В его изысканиях хорошо освещены история и культура уйгуров древности и раннего средневековья.

В статье «Касар-Коруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына» [Кляшторный, 2012: 94–98] С.Г. Кляшторный раскрыл некоторые аспекты истории Уйгурского каганата. Опираясь на данные рунических памятников, ученый освещает проблему создания «Касар-Коруга». Как он отмечает, в сентябре–октябре 749 г. двухлетняя междоусобная война в Уйгурском каганате завершилась победой Элетмиш Бильге-кагана, и сразу же возникла другая угроза — на северо-западе сформировался союз кыргызов, чиков, карлуков и басмылов против Уйгурского государства. Для сохранения стабильности в своем эле Элетмиш Бильге-каган решил построить ставку в Касар-Кордане [Кляшторный, 2012: 94]. Дата, 750 г. (год Тигра), и место (у верховий р. Тез) этих событий установлены на основе сведений, зафиксированных на Тэсинской и Терхинской стелах. Вместе с тем, опираясь на сведения, зафиксированные на стелах, С.Г. Кляшторный пишет, что Элетмиш Бильге-каган здесь два раза провел лето: в год Тигра (750 г.) и в год Змеи (753 г.). Далее ученый определил функцию *коруг* — охотничьих угодий, которая заключалась «в сборе и подготовке войска к походу», как «место заготовок припаса и оружия» [Кляшторный, 2012: 95]. В этой статье также раскрыта функция крепости Пор-Бажын как летней кочевки.

Как специалист по руническим надписям, С.Г. Кляшторный обратил внимание на один из экспонатов Эрмитажа: бронзовое зеркало, найденное в Турфане. Надпись, сохранившуюся на оборотной стороне зеркала, ученый прочитал так: «Открой нам наше непостоянство» [Кляшторный, 2006: 179]. Он дал толкование слова *aqyq (aqyγ)* — «течение, поток, волнение» — термин, характерный для буддийских текстов как «непостоянство, изменчивость». Проведенное ученым палеографическое исследование позволило ему высказать мнение, что надпись ближе к енисейскому варианту рунического письма.

Памятникам древнетюркской письменности в Восточном Туркестане посвящена значительная часть монографии «Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии». На основе сведений, зафиксированных в колофонах перевода «Суварнапрабхасы» («Алтун ярук»), где Сынгку Сели-тудун указал, что он перевел текст с табгачского на тюркский уйгурский язык (*türküj yurt ilince*), С.Г. Кляшторный задается вопросом о языке письменных памятников [Кляшторный, 2006: 183]. Языком многих древ-

нетюркских памятников называют тюркский, он же считает корректным видеть различия «двух очень близких языков — языка тюркских рунических памятников и языка древнеуйгурских памятников», хотя «расхождения между обоими языками невелики» [Кляшторный, 2006: 183], одновременно акцентируя общность языков тюркоязычных народов древности.

В этом же разделе монографии С.Г. Кляшторный охарактеризовал древнетюркские письменные памятники Восточного Туркестана. В статье «Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии» он отмечает, что древнетюркские письменные памятники являются «первыми некитайскими письменными документами», в которых зафиксированы исторические события, происходившие на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Он также определил существование «литературно-языковой традиции», общей для тюркоязычных народов указанного ареала, которая «была сохранена уйгурами и карлуками и получила дальнейшее развитие как памятники уйгурского письма из Восточного Туркестана», тем самым отмечая преемственность традиций тюркской литературы и языка древности и средневековья [Кляшторный, 1973: 260].

Древнетюркские письменные памятники хорошо изучены филологами. Язык орхоно-енисейских памятников характеризуется Л.Ю. Тугушевой как «разработанный, стандартный язык» с частым использованием клише [Тугушева, 2008: 19–20]. Еще одной характерной чертой источников является «ритмически организованная проза с элементами параллелизма и аллитерации в древнеуйгурских памятниках» [Тугушева, 1973: 236]. Фонетические особенности рунических надписей исследованы такими учеными, как А.Н. Самойлович [Самойлович, 2005], Э.Р. Тенишев [Тенишев, 1973], И.Н. Кобешавидзе. В частности, И.Н. Кобешавидзе отмечает, что рунический алфавит, которым написаны рассматриваемые тексты, «построен на морфонологической основе» [Кобешавидзе, 1972: 41]. Как справедливо отметил В.Г. Кондратьев, к памятникам рунического письма относятся не только надписи на стелах, но и написанная на бумаге «Гадательная книга» – «Ырк битиг», обнаруженная в Турфанском оазисе. Она состоит из 65 разделов, в которых повествуется о жизни тюрков домусульманского периода. «Книга гаданий», считает И.В. Стеблева, является важным этапом в развитии тюркских поэтических форм [Стеблева, 2012: 28]. Ею установлено сходство способа повествования в «Ырк битиг» и в надписях в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука [Стеблева, 1970: 150].

Значение орхоно-енисейских памятников для изучения истории тюрков VI–VIII вв., как уже было сказано, освещено в трудах С.Г. Кляшторного. Он оперировал данными, полученными в результате экспедиций, направленных на изучение рунических надписей на камне. Самыми значительными из рунических памятников, по мнению С.Г. Кляшторного, являются памятники в честь Кюль-тегина (732 г.), Бильге-кагана (735 г.), Тоньюкука (предположительно 712 и 716 гг.), Кули-чура (721 г.) [Кляшторный, 2003: 49].

Ильтериш-каган считается основоположником второго Тюркского каганата. Он сел на трон благодаря Тоньюкуку. Прежде носивший имя Кутлуг, он принял каганское имя Ильтериш-каган. После смерти Ильтериш-кагана (691 г.) правителем становится Капаган-каган, известный по китайским источникам под именем Мочжо. Время его правления (691–716) отмечено наивысшим подъемом военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Тюркские войска в период 693–706 гг. шесть раз форсировали р. Хуанхэ (Яшыл-огуз), в результате чего северные области Китая были разорены. Битвы с арабами (в 712–713 гг.) не увенчались успехом. Как справедливо отмечает И.В. Стеблева, ни успешные походы в Китай, ни поражения в битвах с арабами в памятниках не нашли отражения. Завоевательные походы тюрков в текстах рунических надписей передаются одинаково лапидарно [Стеблева, 1976: 63].

Памятники в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина содержат информацию о завоевательных походах, о расцвете и падении Тюркского каганата, ценны также сведения о племенах в его составе. Эти памятники объединяет призыв к сплочению против врага — табгачей (китайцы), которые действовали путем разжигания междоусобицы. Идея выражена следующим образом: табгачи, посеяв разными способами раздор между каганами, добились распада. Тюркские каганы «сложили тюркские свои имена, приняв титулы правителей народа табгач» [Малов, 1951: 37]. Эти строки указывают на причины распада племенного союза и содержат идею необходимости сплочения и единства.

Следует отметить, что в рунических памятниках нашли отражение мифология, мировоззрение древних тюрков, их восприятие мироздания. Исследователями древнетюркских письменных памятников установлена близость надписей к произведениям устного и письменного творчества. Попытка сравнительного изучения орхоно-енисейских памятников с героическим эпосом выполнена М.А. Унгвицкой [Унгвицкая, 1973]. Она опирается на выдвинутое И.В. Стеблевой в более ранней монографии «Поэзия тюрков VI–VIII веков» (1965) определение

памятников в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука в жанровом отношении как историко-героических поэм [Стеблева, 1976: 72, 76].

Мы рассматриваем древнетюркские письменные памятники как прекрасный источник для выявления истоков отдельных образов, мотивов, художественно выразительных средств фольклора последующих эпох. В памятниках в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука ярко отражены представления древних тюрков о мироздании, согласно которым тюрки расположены в центре, а по четырем «углам» (*булуң*) — другие народы. Походы тюркских каганов направлены во все четыре стороны света. Таким же образом описываются походы Огуз-кагана в «Огуз-наме» (XIII в.). По текстам рунических памятников вырисовывается схема: Тюркский каганат занимает центральную позицию по отношению к другим государственным объединениям, расположенным по четырем сторонам света, таким образом происходит сакрализация расположения государства тюрков, поддерживаемого верховным божеством. В вертикальном отношении мир состоит из трех уровней. Обитателями верхнего мира выступают Кок, верховное божество, и богиня Умай; согласно представлениям многих тюркских народов, нижний мир является обиталищем Тенгри Эрлика. Между верхним и нижним мирами расположена земля, сотворенная верховным божеством для людей — святая Йер-Суб.

Эта структура нашла отражение в Большой надписи памятника в честь Бильге-кагана. Она начинается с мифа о сотворении земли, в котором отражена трехуровневая структура мироздания. В верхнем мире расположены божества — представители доброго начала мира (Кок Тенгри, Умай). В нижнем уровне — божество, противопоставленное верхнему (Тенгри Эрлик), которое является отождествлением злого начала в мире. Между верхним и нижним мирами расположена земля. В рунических памятниках она обозначена бурой, черной цветовой гаммой. Немаловажным признаком является и цветовое обозначение уровней мира. Как уже отмечено, земля — бурая (черная), небо — голубое (*кок*). Кроме того, цвет выполняет и другую функцию: он выступает компонентом имени божества. Так, божество верхнего мира часто называется Кок. С божеством верхнего мира тесно связана святая Йер-Суб: в текстах прослеживается сакрализация Земли и Воды. Посредством этого термина передается восприятие древними тюрками земли как матери, что в последующие эпохи приобретает смысл «родина-мать». Обожествление воды трансформировалось в культуры тюрков более позднего периода. Так, существовал обычай

проводить праздник божества воды. В некоторых образцах фольклора отражена функция воды — дарить детей (здесь имеет место мотив непорочного зачатия). В культуре уйгуров до сих пор сохранился запрет осквернять воду (бросать мусор, плевать), а также вера в ее очищающую силу (опрыскивание двора водой, брызгать водой во время проведения очищающего сеанса от сглаза).

Кроме мифа о сотворении мироздания в рунических надписях встречается мотив определения судьбы правителя божествами верхнего мира. Так, согласно руническим памятникам, каганы назначаются именно Небом (Кок): «Небо, дарующее (ханам) государство, [возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун], посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа» [Малов, 1951: 39]. Мотив предначертанности судьбы правителя сохранился в эпосе «Огуз-наме». В приведенных выше строках ярко выражена идея поддержки единства тюркского народа самим Небом. Немаловажным фактором является и то, что древнетюркский пантеон божеств способствовал возвышению не только кагана-правителя, но и катун — супруги правителя. Это ситуация калькирования парности божеств и правителей. Согласно мифам, божества Умай и Кок Тенгри составляют пару. Таким сопоставлением возвышается катун, отсюда берет начало обычай почитания матери еще в древнетюркский период.

Встречается также мотив поддержки Небом (Кок Тенгри) кагана во время завоевательных походов: при поддержке Неба каган с двухтысячным войском одерживает победу над многочисленным (трех-, иногда шеститысячным) войском. Этот же мотив наблюдается в тексте, зафиксированном Махмудом Кашгари (XI в.). В некоторых случаях поддерживающая функция переносится на Умай и Йер-Суб. В памятнике в честь Тоньюкука именно богиня Умай и священная Йер-Суб даруют победу тюркскому войску, выступившему против врага. Так поддерживается идея борьбы за объединение тюркских племен, сплочение против врага. В рассматриваемых текстах вражеское нападение сравнивается с пламенем, пожаром, несущим опустошение. Подобное сравнение можно встретить в образцах народных песен, зафиксированных в «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари.

Мотив поддержки часто встречается в памятнике в честь Тоньюкука. В первом случае тюркский народ одерживает победу благодаря Кок, Умай и святой Йер-Суб. В стк. 38 данного памятника сказано, что «Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля-мать) — вот они, надо думать, даровали (нам) победу» [Малов, 1951: 68]. Согласно стк. 10–11 памятника, Кок и святая Йер-Суб способствовали возрож-

дению Тюркского каганата: «Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков (т.е. Родина) так сказали: „да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет“ — так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)» [Малов, 1951: 37].

Следует отметить, что в рунических письменных памятниках использован также мотив божественной кары. Согласно тексту рунических надписей, людей настигает божественная кара за отступничество. Так, тюркский народ, оставив своего кагана, подчинился табгачам, соответственно, пошел против воли Неба, за что был наказан: «Народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет» [Малов, 1951: 65]. При описании эпизодов схватки с врагом враг сравнивается с овцами, а тюркский каган уподобляется волку. Так, в Большой надписи памятника в честь Бильге-кагана (стк. 12) отмечается, что «так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам» [Малов, 1951: 37]. Примечательно, что впоследствии образ волка выступает как посредник между каганом и Небом (турфанский список эпоса «Огуз-наме», зафиксированный в XIII в. уйгурским письмом). Волк показывает верное направление и дорогу во время завоевательных походов Огуз-кагана. В фольклоре образ волка передает воинственность, а овца — символ слабости, безмолвности. Образ воинствующего волка использован Юсуф Хас Хаджибом в «Кутадгу билиг» (XI в.). В поэме храбростью военачальник сравнивается с волком. В рунических надписях каган назван героем, а его советник — мудрым. Подобный подход к основным образам можно встретить и в произведении Юсуфа Хас Хаджиба.

Для исследователей интересно выявление истоков образа коня — помощника героя. И.В. Стеблева обратила внимание на то, что образ Кюль-тегина приближен к образам героического эпоса и его боевой конь упоминается достаточно часто: из семнадцати описанных сцен сражения Кюль-тегина в четырнадцати даются сведения о коне [Стеблева, 2007: 56–57]. В указанном памятнике конь кагана в основном белой масти. Следует отметить, что в героическом эпосе и сказках тюркских народов верный конь защитника народа светлой масти, что, вероятнее всего, связано с добрым началом мира. Светлые гаммы в культуре большинства народов связаны с верхним миром. Согласно некоторым текстам народного творчества, масти коней несут в себе также временное обозначение. Так, в предании «Ефрат и девять девушек» каган использует коней разной масти для объезда своих владений: белого, черного и вороного. Из контекста можно увидеть, что

белая масть означает день, вороная — полдень, черная — ночь. Подтверждение этой идеи можно увидеть и в другом памятнике рунического письма — «Ырк битиг». Белая масть скакуна в названном источнике связана именно с божеством добра. В целом, параллели подобного явления можно увидеть и в других текстах преданий.

Возвращаясь к памятнику в честь Тоньюкука, следует отметить, что в нем использовано сравнение «тощий бык», «толстый бык». В данном случае ослабевший от раздоров тюркский народ сравнивается с тощим быком, а объединенный тюркский народ соответствует толстому быку. В фольклоре многих народов образ тощего быка обозначает несчастье. Например, в дастане «Юсуф и Зулейха» посредством сна передается весть о предстоящей засухе. Правитель увидел во сне тощих быков. Сон предвещал несчастья, которые предстояло пережить людям из-за засухи.

Продолжая говорить об образах в рунических памятниках, отметим, что И.В. Стеблева обратила внимание на образ лебедя, который встречается в «Ырк битиг»:

Человек отправился воевать,
 В пути его конь выбился из сил.
 Он (человек) повстречался с лебедем.
 Лебедь посадил [его] на свои крылья
 [И], взлетев с ним, пустился в путь.
 Он доставил [человека] к его отцу-матери (родителям).
 Его отец-мать (родители) радуются [и] веселятся, говорят.
 Так знайте: это хорошо.

[Стеблева, 2007: 79–80]

Образ птицы-помощницы часто встречается в фольклоре. В более поздних образцах народного творчества функцию помощника героя повествования выполняет Симург. Так, птица Симург, благодарная за спасение своих птенцов от змеи, помогает Хамраджану пересечь границу мира людей и пэров (дастан «Хамраджан-Хурлика»). Упоминаемый в «Ырк битиг» *Qoуиқиш* (Койу-куш — Лебедь-птица. — Пер. И.В. Стеблевой) помогает воину вернуться домой. Можно предположить, что образ птицы-помощницы в текстах более позднего периода берет свое начало от *Qoуиқиш*.

Мотив скорби в фольклоре всегда сопровождается потерей героем зрения от слез. В дастане «Чинтомур-батур и Махтумсула» Чинтомур-батур слепнет, проливая слезы по сестре, уведенной калмыками. Этот

же мотив встречается в дастане «Йусуфбек-Ахмадбек». Истоки этого мотива можно проследить в древнетюркских письменных памятниках. Так, в Большой надписи памятника в честь Бильге-кагана говорится следующее: «Мой младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой словно отупел...» [Малов, 1951: 43].

Рунические надписи интересны исследователю еще и тем, что в них присутствует понятие ухода из жизни героя повествования. В Большой надписи памятника в честь Бильге-кагана сообщается, что «Кюль-тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день» [Малов, 1951: 43]. В памятниках письменной литературы более позднего времени используется это выражение — «улетел». Так, в «Кутадгу билиг» весть о близкой кончине визиря Айтолди передается через сон, при этом сказано «улетел», что, на наш взгляд, образно говорит об отделении астрального тела от физического. Так же и в литературе и фольклоре более позднего периода описывается это явление, например, «душа покидает тело, словно птица клетку».

В заключение хотелось бы отметить, что наскальные и письменные памятники на бумаге рунического письма служат для современных исследователей постоянным источником познания мира древних и средневековых тюрков. Историки, опираясь на сведения, зафиксированные в изучаемых памятниках, могут воссоздать картину событий, связанных с каганатами VI–VIII и более поздних веков. Филологам эти памятники дают возможность выявить истоки отдельных образов, мотивов, художественно выразительных средств фольклора последующих эпох.

Литература

- Кляшторный, 1973 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 254–264.
- Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный, 2012 — *Кляшторный С.Г.* Касар-коруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 94–98.
- Кобешавидзе, 1972 — *Кобешавидзе И.Н.* К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей // Советская тюркология. 1972. № 2. С. 40–46.

- Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Самойлович, 2005 — *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.
- Стеблева, 1970 — *Стеблева И.В.* Древнетюркская Книга гаданий как произведение поэзии // История, культура, языки народов Востока. М., 1970. С. 150–177.
- Стеблева, 1976 — *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
- Стеблева, 2007 — *Стеблева И.В.* Жизнь и литература доисламских тюрков: исторический контекст древнетюркской литературы. М., 2007.
- Стеблева, 2012 — *Стеблева И.В.* Тюркская поэтика. Этапы развития: VIII–XIX вв. М., 2012.
- Тенишев, 1973 — *Тенишев Э.Р.* Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 40–45.
- Тугушева, 1973 — *Тугушева Л.Ю.* Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 235–253.
- Тугушева, 2008 — *Тугушева Л.Ю.* Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М., 2008.
- Унгвицкая, 1973 — *Унгвицкая М.А.* Хакасские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 71–83.